

КАЗНЕННАЯ КНИГА

ИЗ ЦИКЛА ОЧЕРКОВ «ВСЕГДА СО МНОЙ»

В подмосковном Доме творчества Союза писателей СССР «Малеева» проходил III Всероссийский семинар молодых критиков, организованный ЦК Комсомола и Союзом писателей РСФСР. В числе его участников был наш земляк Александр Лейфер. На семинаре обсуждалась рукопись его книги «Всегда со мной». (Заметки о Достоевском). Вот как отзывался о рукописи один из руководителей семинара — известный советский эстетик, доктор филологических наук, профессор ИМЛИ им. Горького Ю. Б. Боров:

«Книга создает интеллектуальную атмосферу литературоведческого поиска, осмысления наследия великого русского писателя, сопряжения его с нашей эпохой. Автор умеет нравственно — на высоте писательского подвига Достоевского сделать точкой отсчета при рассуждениях о современных жизненных явлениях. А. Лейферу хорошо удается переплетать в личностном аналитическом повествовании события эпохи Достоевского, материалы его художественных произведений со сложными событиями нашего века».

Рукопись рекомендована семинаром к отдельному изданию. Кроме того, ее частью заинтересовалась редакция московского альманаха «Прометей».

Предлагаем вниманию читателей фрагмент из этой рукописи А. Лейфера.

УТРО промозглого дня начала марта 1865 года. Как обычно, тысячи дымов устремились к серому петербургскому небу. И дым, выходящий из этой трубы, ничем не отличается от других. Однако, если заглянуть внутрь здания, то можно увидеть картину не совсем обычную. Несколько человек в казенных мундирах стоят у растопленной печи. Дверца ее раскрыта, а рядом на полу — огромная грудка одинаковых скромных книжек. Гудит печь (тяга хорошая!), одна за другой летят в огонь книги. На лицах присутствующих при этой казни чиновников скука: не в первый и не в последний раз происходит подобное. Может быть, кто-нибудь от нечего делать задержит томик в руках, перелистает...

Название весьма не броское — «Сборник рассказов в прозе и стихах». Напечатан сборник в типографии О. И. Бакста — издателя, известного своими демократическими наклонностями. Напечатан в 1863 году, а 15 января следующего года министр внутренних дел П. А. Валуев подписал секретное предписание о запрещении продажи книги. Цена необычная — всего 8 копеек — сборник явно предназначался для читателей с тощим кошельком, для «низов». Издатели не думали о прибыли, рассчитывали лишь покрыть издержки. А вот и фамилия цензора, пропустившего сборник, — В. Бекетов. Бывшего цензора, так как теперь он возмущен за небдительность.

Затянутый в мундир третьего отделения чиновник продолжает безразлично листать книж-

ку. Что же уместилось на ее 124 страницах?

Стихотворения Н. Некрасова — «В дороге», «Забытая деревня», «Огородник», «Развеселое житье» — рассказ Н. Щедрина. Отрывки из «Очерков фабричной жизни» А. Галицкого. Опять стихи — «Бурлак» И. Некитина. ...Рассказ «Сеченый» — автор не указан... А вот еще: «Акушкин муж», из рассказа каторжного в «Записках из Мертвого дома» Ф. Достоевского.

Чиловнику все ясно, имена авторов хорошо знакомы ему. Взмах руки — и книга вслед за другим летит в раскрытые дверцы печи. Огонь тотчас же начинает лизать ее шевелящиеся страницы...

Так (или примерно так) был уничтожен сборник, в котором начала свою самостоятельную жизнь одна из самых потрясающих глав «Мертвого дома» — «Акушкин муж», берущий за душу рассказ о добром и чистом женском характере, рассказ о дичайшем бесправии женщины в царской России. Достоевский отводит ему четвертую главу второй части. Он не мешивается в повествование, предоставив слово «акушкиному мужу», арестанту Шишкову — человеку «пустому и взбалмошному», «трусаватому и жидкому». Достоевский в коротком вступлении к главе рисует его малопривлекательный портрет, правда, подчеркивая, что рассказывал Шишков горячо, с жаром, что «ему хотелось рассказывать». Может быть, это был обычный среди каторжных приступ откровенности, желание облегчить душу, а, может быть, это волне-

нис — признак наступившего искреннего раскаяния — кто знает...

Говорит Шишков ярко, интересно.

Живо можно представить себе эту ночь в арестантской палате Омского военного госпиталя. Все спят. Тишина. И только неподалеку от внезапно проснувшегося писателя слышится жаркий, возбужденный шепот. Исповедуетесь убийца Шишков, повестует своему равнодушному, лишь из вежливости слушающему собеседнику — пожелому «исправительному солдату» Червину — историю дикого в своей бессмысленности преступления...

СБОРНИК рассказов в прозе и стихах) был, к счастью, уничтожен далеко не весь. Министерство внутренних дел проявило неоперативность: цензор В. И. Бекетов «одобрил» книгу 11 января 1863 года, а министр запретил продавать ее лишь через год. По одним данным, было конфисковано 2116 экземпляров, по другим — лишь 1981. Так или иначе значительная часть очень большого по тем временам тиража (10.000) успела дойти к читателю.

История сборника весьма знаменательна. Она связана с именами активных деятелей «Земли и Воли», с именем вождя русской революционной демократии Н. Г. Чернышевского.

Много лет спустя после описываемых событий, а именно в 1888 году, Николай Гаврилович Чернышевский, живя после сибирской ссылки в Астрахани, написал небольшую мемуарную записку «Моя свидания с Ф. М. Достоевским». В ней он вспоминает, что в июне 1862 года к нему пришел «незнакомый человек скромного и почтенного вида».

«Он сказал, — продолжает мемуарист, — что думает издать книгу для чтения малообразованным, но любознательным людям, не имеющим много денег, это будет нечто вроде хрестоматии для взрослых, вынул два или три листа и попросил меня прочесть их. Это было оглавление его предполагаемой книги. Взглянув на три, четыре строки первой, потом четвертой или пятой страниц, я сказал ему, что читать бесполезно: по строкам, попавшимся мне на глаза, достаточно ясно, что подбор сделан человеком, хорошо понимавшим, каков должен быть состав хрестоматии для взрослых, прекрасно знаю-

щим нашу беллетристику и популярную научную литературу, что никаких поправок и пополнений не нужно ему слышать от меня. Он сказал на это, что в таком случае есть у него другая просьба: он человек, чуждый литературному миру, не знакомый ни с одним литератором, он просит меня, если это не представляет особого труда, выпросить у авторов, выбранных им для его книги, дозволения воспользоваться ими. Я просмотрел имена авторов в оглавлении, нашел в них только одного такого, в согласии которого не мог быть уверен без разговора с ним. Это был Ф. М. Достоевский. (До этого Чернышевский и Достоевский встречались лишь раз — А. Л.). Я выпросил из оглавления книги, какие отрывки его рассказа предполагается взять, а на следующее утро отправился к нему с этой запиской, рассказав ему, в чем дело, попросил его согласия... Он охотно дал».

Чернышевский не упоминает ни имени своего гостя, ни названия «рассказов» Достоевского, из которых предполагалось взять отрывки — вполне возможно, что не упоминает из соображений осторожности. Человек «скромного и почтенного вида» был Александр Путята — офицер, преподаватель одного из столичных военных учебных заведений, активный член «Земли и Воли». А. Д. Путята был инициатором создания общества для издания дешевых книг. Советская исследовательница В. Лейкина-Свирская обнаружила в одном из архивов отчет Путяты о деятельности этого общества, а также показание, которые он давал во время своего ареста в 1866 году. Из этих документов видно, что у Чернышевского была мысль издать еще одну книгу для народного чтения, специально составленную из кусков «Записок из Мертвого дома». Путята прямо говорит, что это предложение исходило от самого Чернышевского и было сделано ему, Путяте, «при встрече на улице».

7 июля 1862 года Н. Г. Чернышевский был арестован. Наступила тяжелая полоса реакции, во время которой деятельность организованного Путятой общества стала невозможной, однако, как мы уже знаем, «Сборник рассказов в прозе и стихах» все же вышел — вышел, благодаря личной энергии Путяты и тому, что в его руках остались средства общества.

После возвращения из-за границы Ф. М. Достоевский получил письмо:

«...Согласны ли Вы позволить нам издать для чтения народа выборки из «Мертвого дома». ...нам весьма бы желательно начать беллетристический отдел наших книжек — Вашими «Записками».

8-е октября 1862 года.

Александр Путята».

Но тут появилось еще одно препятствие в лице издателя Базунова, который к тому времени купил у автора право на издание «Записок». Это видно из ответного письма Достоевского Путяте. Кстати сказать, ответил он немедленно, в тот же день:

«Я сообщил Базунову о предполагаемом Вашем издании, и он ни за что не согласился на перепечатку «Записок из Мертвого дома», несмотря на все мои доводы... Я же не имею теперь (на два года) никакого права на эти «Записки», продав их Базунову. И потому, к величайшему моему сожалению, ни редакции не могу взять на себя, ни даже согласиться на перепечатку. Разве каких-нибудь 8 или 10 страниц... Через два года, если вы будете еще продолжать Ваше издание, переключайте хоть несколько глав. А теперь нельзя».

И Александр Путята, ухватившись за фразу о каких-нибудь восьми-десяти страницах, все же включил в свой сборник отрывки из «Записок» — «Акушкиного мужа». Окончательно материал для сборника был отобран А. А. Слепцовым — одним из руководителей «Земли и Воли».

Дан «Акушкин муж» в некоторой редакционной обработке — описание обстановки и личностные рассказчика отсутствуют. Но что самое важное, в конце текста — строки из последней главы «Записок», знаменитые обличительные строки Достоевского:

«И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погребло здесь даром! Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погребли даром могучие силы, погребли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват?»

То-то, кто виноват?».

Этот смело и недвусмысленно заданный вопрос и был одной из причин, по которым была сожжена часть тиража сборника...

А. ЛЕЙФЕР.